

ДЕТСТВО В ЭПОХУ МОДЕРНИЗАЦИИ

Рассматривается изменение ряда национальных черт детства в условиях модернизации; анализируются изменения феномена детства, связанные с такими реалиями модернизации как «диффузная» идентичность, индивидуализм, прагматизм, плюрализм ценностей; обосновывается попадание детства в ситуацию повышенного социального и культурного риска.

Ключевые слова:

детство, идентичность, индивидуализация, культурная трансмиссия, модернизация, рационализация, русская национальная культура, социальная инфантильность

Тематизация детства в современном научном дискурсе перерастает границы психолого-педагогического экстраполирования, открывая способность выступать маркером динамики культурного самосознания и, вместе с тем, alter ego взрослой личности, что делает феномен детства неотъемлемым предметом социокультурного анализа. Изменение исследовательского ракурса очевидно как в расширении концептуального поля исследования, где помимо этнографии и истории детства формируется социология и философия детства, так и в самом подходе, связанном с попыткой «незаинтересованного» (дидактически и идеологически) взгляда на механизмы социокультурного конституирования детства. В философской проекции данное изменение восприятия можно представить как готовность и способность взрослого воспринимать иное (так как для нормативного, привычного горизонта «своего мира» взрослого, детство предстает «чужим миром» в силу принципиальной его пустоты, неосвоенности, неизвестности) без его подчинения и ассимиляции. Что позволило обосновать суверенность детства в признании за ним иной логики, а взаимоотношения детского и взрослого миров представить с позиций «диалога логик» (В.С. Библер), что углубляет наше представление о детстве как антропологической проблеме, важной для самосознания взрослого человека и культуры.

Наиболее полное определение детства дано социологом С.Н. Щегловой, где «феномен детства определен как особого рода социальное образование – выраженная в действиях и языке совокупность объектов, событий, процессов, социальных институтов и социальных практик в отношении детей, эта совокупность поддерживается и формируется обществом, а также постоянно возобновляется в процессе жизнедеятельности детей, которые осваивают социальность и интегрируются в социум» [12, с. 13]. Будучи неотъемлемым элементом функционирования и воспроизводства социального организма, феномен детства, как в индивидуальной, так и в социальной проекции, претерпевает все изменения, выпавшие на долю общества в определенный исторический период. Характеризуя европейскую современность, необходимо отметить, что в начале XX в. ребенок превращается в особую культурную ценность, достояние общества, связывающего с ним свои надежды на будущий прогресс, вечное движение вперед, предельную активность и

творчество. Разворачивающаяся модернизация и, как следствие, плюрализация социального бытия способствовала повышению статуса детства, но вместе с тем сообщила ему инверсионный вектор развития, связанный с самим характером осуществляющейся модернизации, как подавления национальной самобытности и ее замещения унифицированной системой ценностей и социальных институтов. Вариативность стандартов, доступность средств массовой информации, включенность в денежные отношения – с одной стороны, способствовали приобретению ребенком все большей самостоятельности и индивидуализации его биографии, но наряду с этим можно констатировать размывание духовно-ценностной сферы, традиционных гендерных ролей, стирание представления о мере доступного, что постепенно деформировало национальный паттерн детства, сообщив последнему чуждое русской культурной традиции направление развития и поставив его в зону социального риска. Таким образом, помимо осознания высокой социальной ценности, гипертрофированное внимание к феномену детства обусловлено опасениями о его будущности, размышлениями о кризисе и даже исчезновении.

Современное модернизированное социальное пространство, кризисное и нестабильное, предлагает личности неустойчивые социальные образцы идентификации. Множественность одновременно сосуществующих и противоречащих друг другу норм, стандартов, включенность современного человека в разные не интегрированные между собой потоки коммуникации порождает фрагментарность восприятия реальности. Стремление понять свое «Я» в контексте данной реальности ведет к фрагментации идентификаций, а, следовательно, к кризису идентичности. Кризис идентичности является нормой на рубеже между детством и взрослостью и происходит из ролевой путаницы в том, кто есть индивид на самом деле и кем он хочет быть, что связано с особенностями подросткового возраста, и в норме должно завершиться осознанием устойчивости и целостности «Я». Процессы формирования и поддержания идентичности непосредственным образом связаны с характером культурной организации. В русской культуре идентификация ребенка традиционно происходила в соответствии с конвенционально утвержденными нормами, что обеспечивало ее непротиворечивость и адекватность конкретной социокультурной ситуации. Культурный универсум поддерживал поэтапное вхождение ребенка в социально значимую деятельность в соответствии с семейными, трудовыми, социальными ролями и психологической готовностью к их овладению, что давало возможность обрести устойчивую культурную и личностную идентичность.

В условиях трансформации культурных ценностей возможность обретения устойчивой идентичности рядом исследователей ставится под вопрос, создавая благоприятную почву для возникновения негативной идентичности, предопределяющей дальнейшую будущность личности. Ситуация осложняется возросшим влиянием средств массовой информации, создающих социальные образцы и навязывающих идентичности масс-культуры, ориентированные на сферу потребления и досуга. Следствием современных социальных трансформаций явилось возникновение феномена так называемой «диффузной» идентичности, расцениваемой рядом ученых как норма. По мнению Е.Н. Данилова: «в динамичном мире принципиально невозможна стабильная социальная идентичность. И тогда то, что мы называем «кризисом идентичности», вовсе не кризис, но нормальное состояние индивидов, принуждаемых объективными условиями перманентных социальных изменений «отслеживать» свои ориентации в социальном пространстве» [6, с. 360]. Между тем, если взрослый способен справиться с подобной текучестью идентичностей, то в случае детей проблема приобрета-

ет иные масштабы и последствия, поскольку в процессе первичной социализации речь идет о формировании собственной идентичности, выступающей базой дальнейших идентификационных трансформаций. Кроме того, существование «диффузной» идентичности как нормы ставит под сомнение достижение личностью целостности, а значит возможности ответственного поведения. Последствия размытой идентичности были предсказаны философами Э. Фромом, Г. Маркузе, З. Бауманом и др. Так, например, Г. Маркузе в «одномерном человеке» показал результат множественности одновременно сосуществующих и разных нормативных требований, предъявляемых различными организациями и социальными связями [5]. Подобный индивид, поглощаясь ими, теряет себя и превращается в «одномерное» существо – продукт социальной среды.

Проблема «диффузной» идентичности как нормы современного взрослого оказывается тем фактором, который вызывает инверсию одного из ключевых звеньев в поддержании преемственности и упорядоченности связи между поколениями, представленного в таком культурном механизме как идеальный образ взрослого. Образ «эталонной» личности – неотъемлемый элемент культурной организации, функция которого заключается в трансляции обобщенных представлений, нормативной модели, идеального плана действия в определенных условиях. В культурной общности может быть несколько типов идеальных личностей, соответствующих различным ролям, социальным позициям. Место, роль и функции, которые принадлежат такого рода эталонам в процессе социализации и инкультурации, делают их значимым объектом анализа. По словам Д.Б. Эльконина, анализ идеальной формы, понятой как образ совершенного взрослого, позволяет увидеть целостную картину детства, поскольку «идеальная форма, образ взрослости, является центральной категорией, задающей целостность детства. Образ взрослости, образ совершенного (идеального) взрослого является единственным способом и опорой представления детьми их будущего» [13, с. 6] Поэтому анализ специфики идеального образа взрослого необходимое условие целостного представления детства, его культурных черт.

Другим важным моментом анализа является выявление отношения идеальной формы взрослого к ее реальному воплощению, поскольку идеальная форма взрослого – это не только накопленные человечеством знания, образцы, произведения, но и способы ее культурной трансляции, формы явления совершенства, формы явления взрослости. Ряд культурно-исторических текстов таких, как «Домострой», «Изборник» Святослава, устав Львовской братской школы и др., позволяют говорить о преемственности задаваемых культурно позитивных черт и стремлении к их воплощению в повседневно-бытовой жизни. Авторитетная позиция взрослого в национальном культурном универсуме задавала границы детства как зависимого, ведомого начала и включала в себя систему норм и предписаний, в соответствии с которыми организовывалось жизненное пространство ребенка. *Взрослый являл собой непротиворечивый идеал личности, образ будущего, к которому должен был стремиться ребенок и который задавал целостность детства.* Как следствие, для русского типа детско-взрослых отношений характерна ориентация на одобрение старшего, почитание последнего как более мудрого, опытного, поддерживаемое всем строем культурного общежития.

Идеальный образ взрослого выступает центральной категорией, обуславливающей целостность детства, являясь своего рода единственным способом и опорой представления детьми своего будущего, задавая сущность процесса взросления как качественного преобразования себя, стремления к себе «иному», должному, в отличие от себя как сущего в настоящем, к своей максимальной актуализации.

Благодаря чему обеспечивается потребность детства в организуемом начале, связанная с такими его атрибутивными свойствами, как пластичность, восприимчивость, подражательность, а также условия для становления внутреннего мира ребенка. Таким образом, неотменимость подобного культурного механизма для развития ребенка связана с его психологической укорененностью в особом детском мировосприятии, поэтому любые трансформации в содержании и форме взрослости слепком ложатся на восприимчивое сознание ребенка. Трансформация, вплоть до утраты культурной функции идеального образа взрослого проблематизирует содержание детства, провоцирует создание ситуации самоопределения, что, однако, выходит за рамки возможностей детства и чревато серьезным кризисом последнего. В результате размывания идеального образа взрослого, и как следствие, нивелирования его защитных функций, детство оказывается в зоне социального риска.

В ситуации частой смены идентичности, размывания роли взрослого в качестве образца «сложившегося» индивида, на фоне значения взрослости как формы самостоятельности и ответственности детство теряет основания своей самоидентичности и целостности. А «вне образа взрослости нет авторитета взрослого – опоры его власти; власть становится формальной, ни на чем не основанной, и вырождается в агрессию. Таким образом, взрослые теряют все средства «воздействия» на детей» [8, с. 47]. Отсюда становится понятной мысль Д.Б. Эльконина: «Если кризис детства понять как потерю представленности взрослости, то необходимо окажется, что его корни – в потере событийности самой взрослой жизни». В ее разорванности, фрагментарности, потере единения. Таким образом, есть все основания согласиться с наблюдением Д.Б. Эльконина, о том, что «переживаемый нами исторический период в развитии детства может быть охарактеризован как кризисный», поскольку нарушена «событийность детско-взрослой жизни» [13, с. 10], то есть взаимосвязь между смысловым пространством детства и взрослости.

Идеалом и конечной целью в модернизационной парадигме развития выступает личность, стремящаяся подняться над уровнем других, уверенная в себе и опирающаяся исключительно на свои собственные достижения, добивающаяся реализации личных устремлений. В мире возрастающих альтернатив, она получает гораздо большее пространство выбора. Но в тоже время она гораздо в большей степени должна принимать решения и не только может, но и должна стать более самостоятельной. Как следствие, регулирование поведения становится особенно интенсивным, крайне дифференцированным и всесторонним и этот общественный контроль за поведением, в большей мере, нежели прежде, связан с самоконтролем и саморегулированием. Отсюда необходимость возрастающей индивидуализации – сегодня одно из условий успешной самореализации. Процесс индивидуализации детства в большем, чем когда бы то ни было числе областей, связанный с общей индивидуализацией всего уклада жизни, по мнению П. Бюхнера и др., становится самой яркой чертой и современного детства [1; 2]. Материалом для наблюдений послужил западноевропейский ребенок, но, учитывая, что модернизация в России осуществляется по западному образцу, общие тенденции вполне можно экстраполировать на российский контекст. Среди основных тенденций, влияющих на индивидуализацию детства, учеными выделены: усиление индивидуализированного частного мира взрослых, разрушение традиционной семьи, как следствие – изменение стандартных детских биографий, стилей жизни, изменение структур общественной власти, форм социального контроля, а также меняющихся социальных стандартов поведения. Дестандартизация жизни приводит к усилению ориентации на ценности самореализации в

противовес традиционно требуемому исполнению обязанностей перед другими (например, старшими), посредством чего происходит утверждение новых жизненных перспектив.

В сложившихся условиях от ребенка ожидают «индивидуализированного» поведения, что предполагает осознание им возможного выбора с представлением о предполагаемом будущем. В данном случае, мы согласны с утверждением И.С. Кона, что, несомненно, здесь речь идет о социальном процессе, обеспечивающем предпосылки для формирования более сложной, творческой и индивидуальной личности [4, с. 185]. Между тем, усиление многообразия и индивидуализации стилей жизни способствует как возрастанию благоприятных возможностей, так и возникновению новых форм риска и принуждения. Если в западных культурах, как отмечает Н. Элиас, «человек с детства вынужден существовать в условиях относительно высокой саморегуляции и личной независимости. Он привыкает к состоянию конкуренции с другими. Он с раннего возраста постигает, что ценное и желательное, вызывающее одобрение и ощущение гордости поведение состоит в том, чтобы с опорой на свои собственные способности и личные усилия и достижения научить отделять себя от других и выделяться на их фоне» [14, с. 204], то в российской культуре традиционно был принят иной способ межличностного поведения, ориентированный на кооперацию, солидарность, опору на внутрисемейные связи. В подтверждение хочется привести слова отечественного мыслителя И.А. Ильина: «Семья есть для ребенка первое «мы», возникшее из любви и добровольного служения, где *один стоит за всех и все за одного*. Она есть для него лоно естественной солидарности... Она всегда есть для него *школа взаимного доверия и совместного организованного действия*» [3, с. 169]. В результате требования успешной самореализации посредством развития умения преследовать свои цели погружают ребенка в режим соревновательности, изоляции в среде сверстников, последствиями становятся: эмоциональная неудовлетворенность, неопределенность, постоянная неуверенность, утрата традиционных форм групповой поддержки семьи и ближайшего окружения.

Взросший социальный контроль как основная черта эпохи модерна делает все более затруднительным непосредственное спонтанное поведение. Характеризуя социальную ситуацию модерна, Н. Элиас замечает: «Опрометчиво поступать без большого количества пробных действий... опасно, наказуемо, запрещено; и сильнее, нежели угроза со стороны других, для того, кто теряет над собой контроль, зачастую оказывается угроза со стороны самого себя – своего страха, стыда, угрызений совести» [14, с. 207]. Подобное подавление спонтанных импульсов и действий сознательно или бессознательно транслируется в качестве образца поведения ребенку. Следствием индивидуализации выступает ранняя рационализация деятельности ребенка в ущерб ее эмоциональной составляющей. Указанные тенденции вызывают глубокие сдвиги во внутренней организации ребенка, *сводя на нет такую фундаментальную черту детства как потребность и способность к спонтанности*. Спонтанная активность, по определению Э. Фромма [11 с. 318], – это свободная деятельность личности; само слово «спонтанный» произошло от латинского слова «sponte», что значит «само собой», «по собственному побуждению». Спонтанность – необходимое условие творческой самореализации личности. По словам Э.Фромма, самый яркий пример спонтанного поведения представляют дети: «с самого своего рождения они чувствуют и мыслят действительно по-своему; их непосредственность и непорочность проявляются в том, как они говорят и как ведут себя» [11, с. 319]. Именно спонтанность, «органическая непосредственность», «обостренная впечатлительность» составляют в русской культуре уникаль-

ную ценность детства, и для уже зрелого человека представляющую моменты наиболее полноценного и глубокого переживания жизни. Между тем, это отнюдь не означает культивирования инфантилизма, напротив, глубокое проживание спонтанности должно вылиться в способность к самостоятельности, самодисциплине, внутренней свободе.

Свидетельством неадекватности социокультурных процессов потребностям и задачам детства выступает рост социальной инфантильности. Социальная инфантильность – состояние, проявляющееся в разрыве между биологическим и социокультурным взрослением, и свидетельствующее о нарушении механизма социализации. Зачастую инфантилизм оказывается защитной реакцией на неспособность справиться с семантическим шоком. Результат несоответствия между социальными требованиями в самостоятельности и возможностями ее реализации, что усугубляется широко предоставляемыми благами. Как следствие, невротизация становится типичной характеристикой современного детства. Современное детство, по замечанию Д.И. Фельдштейна, значительно более активно в своей рефлексии окружающего мира в целом, а с другой стороны, более инфантильно в плане социальной направленности за счет того, что детям широко предоставляются различные блага, но в то же время они исключены из реальной социально значимой деятельности, не выступают активно действующей силой общества, в связи с чем их энергетический потенциал проявляется в основном в сфере присвоения, в обращенности на свои индивидуальные потребности [9]. Как следствие – качественный «сдвиг» в системе ценностей, свидетельствующий о превалировании потребительской психологии, правового нигилизма, ориентации на добывание денег любыми путями [7, с. 205].

О глубине проникновения денежных категорий в сознание ребенка свидетельствует анализ, проведенный А.Б. Фенько [10, с. 94]. Как отмечает исследовательница, взрослые сознательно или бессознательно транслируют детям определенное отношение к деньгам, что оказывает влияние на всю последующую жизнь. О глубине проникновения денежных категорий в сознание ребенка свидетельствуют следующие детские высказывания: «в каждом человеке в большей или меньшей степени хранится любовь к деньгам и власти»; «человек всегда стремился к обогащению: чем у него больше богатства, тем он хочет еще больше. Вся сегодняшняя жизнь пропитана деньгами и ложью» [10, с. 94]. Интересна полярность отношения к деньгам детей разных возрастных групп. Если ответы младших детей были оценены как «моральные» или «христианские» (важность заботы о других людях и одобрения окружающими собственного поведения), то по сравнению с ними ответы старших детей выглядели более «экономическими» (другие люди рассматриваются как средства, ограничения или препятствия для личного удовлетворения). Результаты исследования А.Б. Фенько позволяют сделать вывод, что в своем восприятии экономики дети проходят путь от *homo sociologicus*, мотивированного моральными и социальными нормами, до *homo economicus*, стремящегося к личному гедонистическому удовлетворению.

Активное присутствие денег в современной детской жизни, раннее осознание детьми их самоценности, сопровождается ускользанием «субъективной стоимости» (Г. Зиммель) денег, использованием последних в качестве средства поощрения и наказания, что делает их эквивалентом личностных контактов. Как следствие, межличностные отношения приобретают формальный характер, неотвратимо меняя самосознание ребенка, где потребление, ориентация на сиюминутное, становятся доминирующими. Подобные трансформации были бы непонятны без учета их социального контекста, где идеологемы модернизации транслируют образ

личности, ориентированной на потребительские ценности. Процесс включения ребенка в денежные отношения также означает важное обстоятельство частичного (или полного) перехода детей из символического пространства игры в мир реальности, что в очередной раз подтверждает идею о смещении границ между миром ребенка и взрослого, качественной трансформации феномена детства.

В модернистской парадигме образ детства характеризуется тенденцией к упорядоченности, рационалистической заданности. Указанные социокультурные процессы рожают образ «всезнающего» детства, в котором можно проследить корни христианской символики детства как владеющего истиной. Однако, если христианская символика «невинности», божественной просветленности выступала своего рода защитой, оберегая детство от суетности и пошлости взрослой жизни, *секуляризированный контекст современной культуры*, напротив, *погрузил ребенка в эпицентр информационной паутины, взвалив на его плечи непосильное бремя ответственности и свободы*. Итак, модернизация основных сфер общества, связанная с трансформацией традиционных систем отношений и ценностей, поставила под угрозу как индивидуальную историю личности, так и в целом социальную будущность детства. Именно нестабильность как характеристика современного социума, влияющая на неустойчивость, повышенный социальный риск детства выдвигают на первый план проблемы инвариантности, преемственности, традиционности, как условие воспроизводства жизненно важных механизмов социального взаимодействия, социально-духовного благополучия детства. Усиление тенденций деформации института семьи, разрушение нравственно-этических норм, социальных связей, трансформация иных базовых институтов, обусловили размывание феномена детства, потери его центрального значения в современном социокультурном развитии, тем самым лишив детство самостоятельной ценности, создав предпосылки для манипулирования в экономических, политических и иных целях.

Список литературы

1. Бюхнер П. «Современный ребенок» в Западной Европе // Социс. – 1996. № 4. – С. 128–135.
2. Бюхнер П. «Современный ребенок» в Западной Европе // Социс. – 1996. № 5. – С. 140–147.
3. Ильин И.А. Путь духовного обновления. – М.: Изд-во АСТ, 2003. – 365 с.
4. Кон И.С. Ребенок и общество. – М.: Академия, 2003. – 336 с.
5. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. – М.: Изд-во АСТ, 2002. – 526 с.
6. Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ: учеб. пособие. – М.: Флинта: МПСИ, 2005. – 584 с.
7. Степанов О.В. Мир детства – в условиях выживания. (Социально-правовые проблемы защиты детства). – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1997.
8. Улыбина Е.В. Инцестуозная реальность детства в современной культуре // Мир психологии. – 2002, № 1. – С. 30–47.
9. Фельдштейн Д.И. Детство как социально-психологический феномен и особое состояние развития // Вопросы психологии. – 1998, № 1. – С. 3–19.
10. Фенько А.Б. Дети и деньги: особенности экономической социализации // Вопросы психологии. – 2000, № 2. – С. 94–102.
11. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. – Минск: Попурри, 2000. – 672 с.
12. Щеглова С.Н. Детство как социальный феномен (Концепция социального конструирования детства): Дисс. на соис. ст. докт. социол. наук. – М. 1999.
13. Эльконин Б.Д. Кризис детства и основания проектирования форм детского развития // Вопросы психологии. – 1992. № 3–4. – С. 6–13.
14. Элиас Н. Общество индивидов. – М.: Практика, 2001. – 336 с.